

Серия «Визитная карточка Центра творческого развития и гуманитарного образования — школы иностранных языков»

Владислав Шабуров

СТИХИ НА НОЧЬ

Визитная карточка
Центра творческого
развития и гуманитар-
ного образования —
школа иностранных
языков

*Главный редактор серии
«Визитная карточка Центра
творческого развития и гуманитарного
образования — школа иностранных языков»
Лев Либов*

Владислав ШАБУРОВ

СТИХИ НА НОЧЬ

ЕКАТЕРИНБУРГ
УРАЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

2003

Ш 13
ББК 84Р7

Шабуров В. Г.

Ш 13 Стихи на ночь. — Екатеринбург: Уральское изд-во,
2003. — 60 с.

ISBN 5-93667-050-3

Издание этой серии преследует цели как художественные, так и педагогические, чисто прикладные: не только научить юных читателей понимать стихотворное произведение, но и посвятить их в некоторые секреты поэтической кухни. Предлагая читателям первый сборник нашего уральского поэта, редколлегия серии решила тоже придерживаться этого правила.

О поэзии, о поэтах, о стихах Владислава Шабурова и самом поэте, о его даре размышляет во вступительной статье главный редактор серии литературно-художественных и публицистических произведений «Визитная карточка» организатор класса поэзии Лев Либов.

Дебютному сборнику посвящен также диалог поэта Владислава Шабурова и редактора книги Николая Мережникова. Небезынтересно читателям будет познакомиться и с отзывом преподавателя литературы из Первоуральска Ирины Падериной, читавшей стихи в рукописи.

Лев Либов

тайна смятения

Есть у Гейне стихотворение, которое называется «Вопросы». В нем говорится о странном юноше, который стоит у ночного, пустынного моря и хочет, чтобы море ответило на волнующие его вопросы. Тоска, сомнения не дают ему покоя, и он шепчет:

*О волны, откройте мне вечную тайну,
Откройте мне тайну жизни.
Решите загадку, что мучила столько голов —
Голов в париках, ермолках, чалмах и беретах,*

*И сотни тысяч других, что ищут ответа и сохнут.
Скажите, что есть человек?
Откуда пришел? Куда он идет?
И кто живет в вышине, на далеких сверкающих звездах?*

Ночь над морем. Ночь полна тайн. Природа безучастна и холодна: ни катящиеся на берег волны, ни бушующий ветер, ни глубины моря и небесной выси — ничто не раскроет непостижимое его сердцу и уму. Напрасно ждет он ответа.

Подобно гейневскому юноше, встал перед морем тайн и молодой поэт из Урая. «Стихи на ночь» — так назвал он свой первый сборник. Владислав Шабуров избрал для своих размышлений время таинственного вхождения Земли в ночь. Он знает: тайны непостижимого раскроются только тогда, когда пройдут через его сердце и ум. Лишь тогда природа заговорит устами поэта. Как он ее понимает, воспринимает, видит, слышит. Ему это дано.

В сборнике Владислава Шабурова — стихи ребенка, одаренного восприятием красоты, юноши и молодого человека, способного осмыслить красоту форм, в которые природа вкладывает свои ответы на вопросы, волнующие человека. Человека, который познает, как его личное бытие вписывается в беспредельную реальность бытия, не имеющего границ, — «безусловного бытия» жизни. Звезды не дают ответа. Море молчит. Пустынно? Безмолвно? Нет: есть поэзия. Она непостижима, как сама непостижимость бытия. Поэзия — достойный совершенства природы собеседник.

В страстном обращении юноши и полном равнодушии природы к его мольбам у Гейне — трагизм вечной жизни, мировая скорбь, разлад между человеком и природой. Юноша не может перекинуть мост между двумя мирами — миром человека и мирозданием, тем, что изначально, из вечности находится в наивысшем совершенстве. И это она для ответа на все вопросы, которые волнуют людей, наделила человека поэзией и философией, музыкой и живописью, даром речи и поиска, светом и цветом — искусством. Мосты в межмирье «строит» поэзия. Создает искусство. Одна молитва, если б ее знал юноша, дала бы ему наслаждение в поиске ответа — молитва Сократа:

— О боги! — восклицал Сократ. — Помогите мне стать прекрасным внутри и чтобы то внешнее, что я имею, стало родственным внутреннему.

Сократ просил, наверное, не только за себя. И «печать» Сократа лежит именно на философах и поэтах, на музыкантах и художниках, чей внешний мир родственен внутреннему миру.

Первый сборник стихов Владислава Шабурова говорит о том, что природа наделила его даром острого и глубокого понимания Прекрасного, даром преодоления «трещин» между внешним и внутренним миром, умением перенести сокровища мироздания в богатство души. Он тоже обращается к природе, он тоже хочет знать, что происходит с ней, он видит, он чувствует природу, понимает ее, она отражается в его сердце — и не как нарцисс в воде: она создает внутри него огромный мир, подобный себе. Здесь и красота бушующей стихии — грозы, бури, метели, и чарующие пейзажи тайги, ее рек и озер.

С моей точки зрения, внутренний мир прозаика от внутреннего мира поэта отличается тем, что прозаик ждет, пока пережитое воплотится в образы, а поэт, спонтанно переживая потрясение, испытывает вдохновение. Прозаик, ждет, пока сформировавшиеся образы оставят внутренний мир и выйдут в мир реальный, мир внешний, переняв ритм его сердца и его интеллект. Поэт же пишет в ритме с веком и природой, мгновенно реагируя на потрясения в окружающем мире, и лишь потом, как скульптор из глыбы создает фигуру, он совершенствует свое слово, оттачивая форму, и отбрасывает лишнее. Муки творчества! Многотрудные и радостные.

С облаками, с туманом, с океаном, с реками поэт — на ты. И нет «Я» без «Ты». Владислав Шабуров пишет об этом так:

«Может быть, создание новых миров — это и есть задача литературы и искусства вообще». И он создает эти миры:

*Я слышу, как от сердцевины,
Планеты выгибая спину,
Рвет жилы и костяк крошит
Война*

континентальных

плит.

«Война» — это слово, которое в нашем мире означает убийство, смерть, гробы. Но в мире поэта она имеет другое значение: потрясение в космосе и духовном мире людей. И это смятение рождает вдохновение. Рождаются стихи — мост между двумя берегами над ледоломом и потоками бующей реки — внутренним и внешним миром. И этот мост «вытянут строкой, | Как длинный журавлиный строй»

У Даля в ряде слов, которыми он раскрывает значение слова «смятение», есть и такое: «восстание». Именно это смятение нахожу я в стихах моего юного друга, бывшего моего школьного ученика Владислава Шабурова.

В день последнего звонка, в день, когда произносится много торжественных слов, абитуриент Шабуров положил мне на стол сто стихотворений с дарственной надписью. В сборнике вы найдете его сочинения той поры.

С этого дня уже прошло более пятнадцати лет. Но и тогда его стихи мне многое объяснили. И почему на уроках географии там, где все видели равнину, он «видел Альпы», почему на уроках математики там, где все видели формулы, он, вдруг взглянув в окно, увидел, как

*За гранью
чистых небес
кто-то прозрачный
отпускает по ветру
сон...*

*И появляется
облако.*

Может быть, прав был учитель математики в пушкинском лицее, когда, выставив молодому поэту очередную «картошку», что означало — ноль знаний по математике, говорил:

— Садитесь, господин Пушкин, и занимайтесь своими стихами.

Под тяжестью информации, многознания, в погоне за отметками «четыре» и «пять» гибнет поэт. Наверное, был прав дядя Гейне, который, увидев наклонности юного Генриха, увел его из-под пытки изучать финансы в область гуманитарных наук, и это спасло поэта для мира.

Что делает человека поэтом? Безусловно, дар, дар видеть красоту, дар удивления. Один маститый ученый удивился слову «удивление»: удив-ление, т.е. взвидеть диво, дия, деос — Бог, дивное. Но дар удивления, духовного смятения, вдохновения можно развить, а можно и убить. Первая книга Шабурова — свидетельство того, что дар «взвидеть диво» живет в нем.

Поэт, если он настоящий поэт, а я уверен, что в руках читателя произведения именно такого поэта, не только передает свое смятение, настроение, но и творит настроение того, кто слышит его. Прочитайте еще раз и еще раз его «Зимнее»:

*Я околдован этой стужей,
И слово просится наружу...*

И вы представляете себе:

*Сосны падают вверх, словно скользкие стрелы,
Разрывая бумажное тело небес...*

Распростертый на всем земном шаре, смотрю вверх, в небо — я, небо и сосны. Чувствую: я в природе, природа во мне.

Конечно, в его стихах, к сожалению, заметны внимательному глазу следы торопливости. Возможно, поэт не располагает временем для той кропотливой работы, работы скульптора: Владислав работает журналистом в городской газете «Знамя». Чтобы таланту окрепнуть, дару развернуться, нужно время... Но главное, что требуется поэту, поэту настоящему, безусловно, у него есть.

Для меня критерием поэта служат слова выдающегося философа Симона Франка, и я позволю себе привести длинную цитату из его произведения «Непостижимое». Оправдание за длину нахожу себе в том, что вряд ли многие имеют счастье хранить у себя в библиотеке эту книгу.

«Всякая вещь и всякое существо в мире есть нечто большее и иное, чем все, что мы о нем знаем и за что мы его принимаем, — более того, есть нечто большее и иное, чем все, что мы когда-либо сможем о нем узнать, а что оно подлинно есть во всей своей полноте и глубине — это и остается для

нас непостижимым. Лишь тупое филистерство может упускать из виду этот фундаментальный факт; кто еще сохранил подлинное чувство реальности, тот его всегда ощущает. Сколь бы мудр, опытен, учен ни был человек — всякая частица реальности, если только он способен увидеть ее в ее подлинном существе, не искаженном и не утомленном его слепотой и гордыней, говорит ему об этом. Лучше всего могут поведать нам об этом поэты; и нет поэта, который не исходил бы из именно такого восприятия бытия: ибо быть поэтом и значит, в конечном счете, не что иное, как быть в состоянии выразить в словах и дать нам почувствовать непостижимое и несказанное. Поэт боится обычных людских слов: «они не видят и не слышат, живут в сем мире, как впотьмах» (Тютчев); «они обо всем говорят так отчетливо: это — собака, а то — дом, здесь — начало, а там — конец...; они знают все, что было и будет; нет горы, которая была бы им чудесна» (Р.М. Рильке). Напротив, поэту известно: «Но бытие еще по-прежнему волшебю; во множестве мест оно рождается из одного источника, есть игра чистых сил, с которыми никто не соприкоснется, кто не умеет преклонить колена и восхищаться. Слова нежно исходят из несказанного» (Р.М. Рильке)».

Я читаю Франка, и именно в силу «уловления связи вещей» — ассоциаций передо мной встают великие поэты и те поэты, которые еще идут в поэзию.

Я читаю и перечитываю стихи Шабурова «Прогулка», «Зимняя элегия», «Элегия» и хочу снова и снова проникнуть в тайну вдохновения, в тайну смятения души, в тайну дара, который делает человека поэтом. Найти тот ключ, благодаря которому слова: «Живи! Живи! Живи!» — стали бы равносильны словам: «Твори! Твори! Твори!» В этих трех стихотворениях видится мне поэт, который ощущает «тяжелое дыхание земли», который слышит «нестройный хор далеких звезд», которому «в сгустках звездной, пенистой метели провиделись цветок, пчела и мед», поэт, взор которого проникает в геологическую историю, историю земли, вселенной, человечества. Ему открывается время, когда «душа земли готовилась и зрела, чтоб к осени явить запретный плод».

Еще один критерий поэзии раскрыл мне ученый, исследующий физику высоких энергий. Он пишет о себе.

Однажды летнем вечером он сидел на берегу океана, глядя на набегающие волны и чувствуя ритм своего дыхания. Он видел, как он пишет, что каскады энергии, частицы атомов создавались и разрушались в ритмической пульсации,

он ощущал, что все вокруг него, в том числе и сам он, участвует в гигантском космическом танце энергии. Ученый Фритьоф Капра пишет: «Я чувствовал его ритм и «слышал», как он звучит, и в этот момент я знал, что это Танец Шивы, Короля Танцоров, почитаемого индусами».

Если есть ощущение и чувство участия в этом ритме — ты поэт! Владислав Шабуров, ты поэт! И в этом убедит читателя твоя первая книга. У тебя огромный ресурс метафор,

Редколлегия серии "Визитная карточка Центра творческого развития и гуманитарного образования — школа иностранных языков": Лев Либов, Анастасия Киняева, Евгений Скрябин, Виталий Дыдыкин, Владислав Шабуров, Игорь Будовский, Иван Аброськин

сравнений, эпитетов, метонимий, гипербол. Богатство тропов, оригинальных находок, «изюминок» характерны для твоей поэтики.

И еще отмечу, используя выражение Пушкина: Шабуров, «пишет не для глаза, а для уха». Ренэ Юиг говорит: «Музыка родственна поэзии, которая, скорей, передает чувства, чем идеи. Хотя, конечно же, она внушает и идеи, но сама в себе их не содержит». Перефразируя слова Делакура, можно сказать, что тот, кто говорит о поэзии, говорит о живописи. Ренэ Юиг по этому поводу замечает: «А почему слово поэзия берет начало от греческого глагола ποιειν? Потому что она прежде

всего должна «создать» не только «произведение», что вполне понятно, но также создать эмоцию, состояние в душе слушателя. В самом широком смысле можно сказать, что посредством поэзии человек формирует того, с кем говорит. Точно так же и в живописи создается не только произведение, но и его зритель».

Есть еще одна сторона поэзии, которая просматривается в сборнике «Стихи на ночь». В музее выдающегося художника М.К. Чюрлениса было сделано необычайное открытие: листы его цикла «Сотворение мира», написанные темперой, запечатлевшие борьбу тьмы и света, холода и тепла, хаоса и порядка, осветили неярким боковым светом — и за первым планом изображения открылся второй, «скрытый» план: стали видны очертания человеческих лиц. Вот так, мне кажется, должно быть и у настоящего поэта. Читатель за внешней формой стихотворения видит людей, чьи души ищут слияния с холодным космосом, горячим солнцем, морем и лесом, небом и землей.

В поэзии Владислава Шабурова я тоже вижу проступающий второй слой: бураны и туманы, олени и люди, собаки и упряжки, кочевья, музыка полозьев, прошлое жизни рода Колмаковых — манси Кондинского района.

Владислав, когда учился в Ленинградском университете, наткнулся на исследования прошлого обско-угорских угров, в которых отыскал сведения о роде Колмаковых: его история берет начало с 1800 года, когда Колмаковы проживали в деревне Мортымья Верхне-Кондинской волости. Влад — правнук Егора, чью фамилию он взял в качестве своего газетного псевдонима. В этом роду были женщины-охотницы, которые добывали медведей, оленей, лосей. Знаменитая охотница Марья Ивановна Колмакова умерла недавно. На охоту она всегда ходила одна.

Альбина Алексеевна, мама Владислава, которой он посвящает одно из своих последних стихотворений, рассказывала о таком случае: «Села Марья в облас, чтобы переехать через реку, но чувствует, что сзади кто-то ее держит, оглянулась, а медведь лапой держит лодку, она на него заругалась и сказала по-мансийски: «Катей манасей».

Территория, где сейчас расположена редакция городской газеты «Знамя», оказывается, была охотничьим угодьем Колмаковых. Здесь, около редакции, где сейчас Первомайка, улицы Садовая, Механиков, к лесному домику Колмаковых ездили на собачьих упряжках, в которые запрягалось по пять лаек.

Каждый поэт реализует свой архетип в меру своего таланта, духовной близости к своему народу, историческому и личному культурному опыту. Архетип мансийского рода Колмаковых сыграл свою роль в генном наследстве поэта. Владислав чувствует природу чутьем детей природы — манси, которые не знали разлада между природой и собой. Его поэзия женственна и мужественна, как образ охотницы Марьи. К ней приложим шабуровский оксюморон: «утомиться всласть» — как охотники из рода манси после удачной охоты.

Следы детскости своего народа и индивидуальности молодого поэта особенно заметны в стихотворении «Сосны падают вверх». Владислав слышит «язык земли, небес, созвучие вод», слышит «плач журавля» и то, как «бунтует звук», видит свинцовые «крыла эпохи». Возможно, этим же объясняется его пристрастность к белому цвету. Это — чистый снег Севера, светлая чистота природы и человека, это — цвет безмолвия, цвет зимнего леса и озер.

И пульс земли, и пульс космоса, и пульс века, и непостижимость пространства и времени, и все это — через искусство — мост от внешнего во внутренний мир, и эхо внешнего мира во внутреннем — таков в моем представлении облик поэта. На вопрос, как бы он определил главную тему своей поэзии, Владислав ответил: «Вообще-то в свое время я все-таки считал, что главная и единственная тема литературы — это любовь, в смысле эрос, что у нее, по сути, и не может быть тем. Сейчас бы я определил свои основные темы так: «Человек и мир», «Человек, познающий мир». Мне как учителю истории и обществознания в классе, в котором учился Владислав Шабуров, а теперь руководителю класса поэзии и творческого развития, к которому Владислав тоже причастен, приятно думать, что в словах поэта «главная тема моих стихов — тема человека, познающего мир» есть какая-то, пусть очень небольшая, частица моего влияния. А если это даже и не так, я все яснее и яснее, читая Шабурова, вижу очертания настоящего поэта в облике моего юного друга. Пусть первый сборник его стихов откроет ему путь в большую литературу.

метаморфозы

лирика

осень

Сосны падают вверх, словно скользкие стрелы,
Разрывая бумажное тело небес,
И, как в доме покойника голые стены,
Так же скорбен и значим темнеющий лес.

Стало пусто и много чужого пространства,
Где не сыщешь примет, не отмеришь границ,
Где почти откровением — белые танцы
Улетающих птиц.

Пустота в этом Богом оставленном зданье,
Сколько веры еще, но кончается век,
И легко, и неслышно — как сон, как дыханье —
Сосны падают вверх.

***

О нас не забудут,
Когда мы уйдем
Или просто сольемся
В движенье
С ветрами и травами.

О нас не забудут —
Уже
Мы видим друг друга
Сквозь лезвия стен.

***

Ты знаешь, что любима,
И спокойна.
Я знаю, что люблю...
Не в этом суть.
Несказанное станет просто болью,
И эта боль умрет когда-нибудь.

Но в день,
Когда пройдут века и сроки,
Не из любви, а в шутку, наугад
Далекие, отвергнутые боги
Одно из нас напрасно воскресят.

отражения

Три часа пополудни,
Точеные лезвия солнц
Отражаются
                                в лужах,
Открываются двери подъездов
Томительным стоном,
Кружит голову,
                                кружит
Аромат не воскресшей
  земли,
Круговерть тысяч бликов,
Метель отражений.
Кружит голову,
Слышишь:
Что-то древнее, вечное
Будит движенье.

Будит веру
В еще не осмысленный
  шанс
Быть собой,
Оставаясь всего лишь собою.

Три часа пополудни.
Быть может, и в нас
Эти солнца однажды
  откроют.

реки

Над этой рекою — бора,
Излучины желты,
И съеден туманом клыкастым
Прибрежный тальник...
Над этой рекою с утра —
Осеннее золото
И чей-то протяжный
И ласковый клик.

И долго...
И долго
                                следы на воде,
И кажется вечным
Почти незаметное глазу
  теченье.

Все реки несут,
Как тела журавлей,
Надежду на воскрешенье.

Как будто бы кто-то
Однажды воскрес
От свежей, брусничной,
Отчаянной крови.
Все стихнет,
Молчит очарованный лес,
И снова...

***

Если
Ты чувствуешь сердцебиенье,
Знай: то над миром повисла луна,
В свете космическом тают растенья,
Стерлись и их имена.

Стерлись все звуки,
Старинные книги
Мертвую букву завета хранят.
Новые тени из света возникли,
Новые звезды горят.

Чем ты ответишь на новое это —
Верой, любовью, надеждой и светом?

комната

Шесть плоскостей,
И между ними — я.
Не правда ль, друг мой, все смешно,
Покуда
Еще не всё — не умерли слова
И этот «я»
Еще вмешает чудо.

Шесть плоскостей
Не ведают границ,
В них утонули
И рассвет, и вечер.
Я говорю —
я провожаю птиц,
Я замолчал —
я зажигаю свечи

(шестая давит
согнутые плечи).

***

Что за странная осень —
Сгорает на солнце листва,
Но сквозь тающий пепел
Видны письма.
Что за странная осень...

Остальные уходят
Сквозь слухи и сны,
Ждут дождей, и получек,
И новой весны,

И плюются окурками
В серую муть,
И смеются над нами,
И их не вернуть...

Остальные уходят.
Забудем о них.
Будем чтить мертвецов
И — не видеть живых.

***

Дождь упал на землю,
И,
Устав,
Слушал стылых листьев лёт,
Кружение,
Желтый лунный мир —
В пылинках трав,
Космоса к былинке
Приближение.

Если слово ведаёт она,
Звезды забывают путь извечный,
Кажется медлительней луна
В ожиданье истины конечной.

Знаю:
Без травинки той живой
Мертвым
Звездам в вечность
Не катиться...

Ух-ходящий стережет покой
Никому не ведомая птица.

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Над вагоном в звездах небо,
Разговоры до утра.
Чемоданы едут в лето,
Где тепло и теснота.

Черной ночи пряный запах,
За окном ползут огни.
То ли ужин, то ли завтрак
Недоеденный лежит.

Грустно, отчего так грустно?
Поезд все поет одно.
Утром будет небо пусто —
Голубое полотно.

Чуть запятнано рассветом,
Подрумянено слегка.
И легко смотреть, как в этом
Проступает красота.

ШАИМСКАЯ НОЧЬ

Повсюду снега и снега,
На ветвях березовых — иней.
На землю сошли холода,
И слышно, как дерево стынет.

Колючие руки подняв,
Сосенки упругие встали,
И каждой мерцает звезда
И манит в холодные дали.

Плывет тишина вдалеке,
А там, за коричневым бором,
Жируют налимы в реке
И ходит весна косогором.

***

Я верю в утро, я его придумал,
Я изобрел рассвет, туман, росу,
Зверей и птиц,
И вот я вам несу
Его в руках,
Держа за неба
Купол.

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Молчанье. Звуки облаков,
Скребущих телом
Небес прозрачное стекло,
Окаменело

Пространство. Мутной белизной
Без очертаний
В морозном воздухе одно
Плывет молчанье.

И ты молчи, будь далеко,
Я не услышу,
Как беспечально и легко
Не здесь — ты дышишь.

Так скоро заметет следы
Колючий ветер.
И — пустота, и стынут льды
Над здешней Летой.

***

Слова — как яблоки. Держа,
В ладони чувствуешь усталость,
Их невозможно избежать,
Коль ты не Бог.
И нам достался
Слов ладных, выстроенных рой,
Медовый, налитой, речистый.
Бери, твори! Но, Боже мой,
К чему слова, коль верны мысли?

Слова, как яблоки, круглы,
Созрели и весомы формой,
И скорбный ангел, дух земли,
Им не поверил, удивленный.

Нет, мы успеем их сорвать.
Смотри: Его теплом согреты,
Утрами нежатся слова
В ладонях солнечного света.

***

От стран полунощных, откуда веет хлад,
Сегодня весть, что скоро будет снежно,
Что некий дух, суровый и мятежный,
Как будто здесь остановил свой взгляд.

И тщетно солнце ищешь наугад
Над местностью, сомнительной и нежной.

ЗИМНЕЕ

Мухаммед, Будда и Христос
Нашли приют на книжных полках.
Увы — от них немного толку
В стране гиперборейских грез.

Здесь неуютно. Здесь мороз
Порой так сковывает душу,
Что слышен, но не стоит слушать
Нестройный хор далеких звезд.

Я околдован этой стужей,
И слово просится наружу,
Но криком не разбить окно.

И чудом снова не родиться...
И умирается, и снится
Лишь так, как грешникам дано...

КОМПЛИМЕНТ

Не знаю, как тебя я назову,
По-прежнему — единственной, любимой?
Строй тонких звуков, что рождает имя,
Лишь словом остается наяву.

Должно быть, легче пережить беду,
Чем обмануть тебя хоть малой частью
Своих речей о беспричинном счастье,
Солгав вдвойне — у Бога на виду.

Хочу понять, зачем дано судьбой,
Узнав тебя, с тобою разминуться.
Над мной, наверно, ангелы смеются,
Но я лишь словом остаюсь с тобой.

И, как ребенок, повторяю вновь:
Люблю тебя! Но это не любовь.

элегия

...Тяжелое дыхание земли.
Пески, базальт, лишайники, корни,
Из жителей — личинки, черви, тени,
Из постояльцев — несомненно, мы.

Друг хлорофилла, пасынок растений,
Сосуд разбитый, взятый в оборот,
Здесь дремлет многочисленный народ
Среди геологических явлений.

И рудознатец, что находит зренья
И золото среди простых камней,
Спешит сюда, когда под осень дней
Взамен судьбы даруется смиренность.

И пахарь, брат коня и борозды,
Сюда приходит и рукой в коростах
Благословляет скорбные труды,
И древность прорастает через кости —

Из смутных форм, из склизкой пустоты
Прапамяти, со скомканной постели
Лугов, где прежде сонмы духов пели
И мыслились деревья и цветы,

Где в сгустках звездной, пенистой метели
Провиделись цветок, пчела и мед,
И поступь льва, и ласточки полет,
Как невесомый контур колыбели.

Когда планеты кожистое тело
Качалось в океане темных вод,
Душа земли готовилась и зрела,
Чтоб к осени явить запретный плод.

И вот — вершится, движется, живет,
И полнит мир настойчивей и крепче

Язык небес, земли, созвучье вод,
Игрушка Бога — слово человечье.

Но вечером, когда стекает в вечность
Плач журавля и рек уснувших гладь,
Не выберу я должного наречья:
Бунтует звук — и нечего сказать.

Не отраженьем и не бледной тенью —
Должно самим собою слово стать,
Чтоб новым смыслом соединить, связать
Творения немые сочлененья.

метаморфозы

Ловец людей, поймавший на лету,
Как бабочку сачком, чужую душу,
Ты ликовал, но правды не нарушил:
Из праха в прах, из бездны — в пустоту.

Что ясный день, что дерево в цвету —
Сокрытой жизни видимые звенья,
Но отлетает цвет, и вот движенье:
Плоды ликуют, полнятся — растут.

Зачем нельзя остановить мгновенье?..
Зачем цветку дается превращенье?
Зачем пчела спешит собрать свой мед?

Всех чувств и мыслей — твой подарок Богу
Не растеряй у самого порога...
Ты не умрешь, и всякий — не умрет.

МОЙ ВЕК

Чего взыскуешь, строгий ум?
Неужто веры? Чудно, право!
Куда доступнее отравы
Тяжелых, соразмерных дум.

Зачем ты мечешься, душа,
Меж истиной и фарисейством?
Изволь на торжище злодейском
Себя продать за полгроша.

Что толку в правде бесполезной,
Когда так изощренно зла
Эпоха поступью железной
Крошит убогие тела.

И чертят круг над новой бездной
Ее свинцовые крыла.

***

Меня мой ангел не оставил,
Меня мой ангел не забыл.
Он не жалел меня и правил
Затем, что все-таки любил.

И вот за все труды в награду
Ему я ныне подарил
Взамен небесно-белых пару
Багровых, опаленных крыл.

И каково тебе, сердечный,
Лететь над бездной вековой,
Печальной, мрачной, бесконечной,
Хранитель мой, мучитель мой?

И каково тебе среди этих
Тягучих, жгучих, темных сфер,
Где умный дух расставил сети,
Где глупый дух блажен и сер,

Где каждый взмах пронзает болью
И криком разрывает грудь?..
Ты, знаю, раб, но все же волен
В одном — ты мог меня любить.

Мне жить еще, мне быть собою
Пытаться из последних сил.
Но разве я от Бога скрою:
Меня мой ангел не простил.

книга

Не знаю, чудо иль случайность...
На пепелище встретил я
Простую, искреннюю тайну,
И поскользнулась мысль моя.

Я не пойму, как не сгорела
И сохранила суть и плоть,
Смогла огонь перебороть
Ведунья с нежным книжьим телом.

Она легла в ладонь, как семя,
Но душу обожгла мою...
А думал я, что не сумею,
Что не посмею, но — стою.

Шепчу молитву неумело
На пепелище, на краю...

***

Для вышних — музыка. Для сердца — тишина.
Покой — для мук. А радость — в укоризну.
Одно прошу: не дай узнать Отчизны,
Не дай мне эту боль испытать до дна.

Я так боюсь оставленных полей,
Где над жнивьем — дыхание Борея.
Миллионы душ и легион теней
В своих ладонях разве я согрею?

Как быть, когда подобьем мотылька
Мелькнешь и пыль останется на пальцах,
Невидима, прозрачна и тонка?

Захочешь все забыть, пойти скитаться...
Но выведет в который раз рука:
«Зачем, дурак, души своей бояться?»

убогие

Бредут безрадостные дни,
Хромают сумрачные годы,
Текут века, а мы — одни,
Все те же пасынки природы.

Но лишь спроси: кто ближе всех —
Без подлых мыслей — ближе к небу?..
И вспыхнет чернозубый смех
Над коркой мраморного хлеба.

одуванчики

Послушай, быть может, напрасно
О небе мечтают цветы.
Над нами бездонно-прекрасно
Оно, и не вынесешь ты

Молчания царственных высей,
Алмазных, лучистых путей,
Речистых встречая, горлистых,
Едва оперенных гостей.

Вот здесь, средь цветов золотистых,
У солнца ищи новостей!

газета

Сегодня — всё. Но завтра — оживут
Значки, пробелы, черточки, крючочки,
Когда твой опыт, воплощенный в строчках,
За чашкой чая на руки возьмут.

Пока еще безмолвствует она,
Пока томится в ящиках почтовых,
Но мысль и чувство выплеснуть готова,
Твоим трудом, мой друг, напоена.

Зачем живет? Затем, что город жив.
Затем, что чище люди, ближе небо,
И ты уже, о мелочном забыв,
Не отличаешь истину от хлеба.

Берешь перо и что-то пишешь снова,
Средь тысяч слов угадывая Слово.

СТИХИ НА НОЧЬ

Маме

Когда осыпается небо,
Сухой штукатуркой шурша,
Так хочется мне быть, и мне бы
Остаться с тобою, душа.

Я знаю, мы век пересилим
С тобою, моею душой,
И новые вырастут крылья,
И снова я стану большой.

И встанут тяжелые ноги
Над пресною, мерзлой землей,
И снова ревнивые боги
Начнут состязаться со мной.

Затем, что дано человеку
Так вольно, так полно дышать,
Когда закрываются веки,
Мирами неловко шурша.

***

За гранью
чистых небес
кто-то прозрачный
отпускает по ветру
сон...

И появляется
облако.

ПОЭТ И РЕДАКТОР

Николай МЕРЕЖНИКОВ - Владислав ШАБУРОВ:
диалог перед дебютом

— Владислав, для начала нашего разговора я хотел бы узнать, как вы отнеслись к тем суждениям, которые были высказаны о ваших стихах на совещании молодых писателей в Каменске-Уральском? Не кажется ли вам, что ваши критики предлагали вам стать поэтом совершенно иного склада?

— Да, вы правы: мне тоже казалось, что они говорят о ком-то другом.

— Если обратиться к истории литературы, то можно припомнить спор славянофилов и Тютчева. Славянофилы находили, что стихи Тютчева о России должны быть более образительными, вещественными, «картинными», что ли. В качестве образца они выдвигали стихи немецких поэтов, посвященные Германии: вот де как надо — и обстоятельно, и все в красках и цвете. И что же? Последуй Тютчев их совету и измени сам себе — на сколько шедевров русская поэзия стала бы беднее!

Но это как бы к слову. А теперь конкретнее о ваших стихах. Вашим читателям, наверное, небезынтересно побывать в вашей творческой мастерской. Начнем с того прежде всего, как вы строите сюжет стихотворения.

— По-разному, очевидно. Но все же чаще всего возникает первая фраза, пара строк или четверостишие, реже — последняя, завершающая строфа. Иногда короткие стихотворения складываются сразу, и их остается только положить в ящик, чтобы «отлежались». Правлю много, иногда отчаиваюсь, и стихи так и уходят в никуда. Например, «Стихи на ночь» появились сразу целой первой строфой. В новостном блоке ТВС я услышал о том, что в ближайшее время ожидается звездопад особой интенсивности (кажется, метеорный поток Леониды). Меня это почему-то заинтересовало, и сразу родились первые строки. Впрочем, как ни хотел, звездопад я так и не увидел — в Урае ночами слишком светло.

«Прогулка» рождалось «с двух сторон» — почти одновременно появились «утомиться власть» и «война континентальных плит», причем под последней я, кажется, с самого начала подразумевал нечто глобальное (вроде войны цивилизаций) — газеты «Завтра» начитался. А вот середину этой вещи до сих пор считаю сырой.

— Каким средствам выразительности отдаете предпочтение?

— К стыду своему, об этом я как-то и не думаю, да и ориентируюсь в них, по правде сказать, не очень.. Пожалуй, преобладают метафоры, есть эпитеты, изредка — гиперболы. Возможно, чересчур увлекаюсь игрой со звуком. Для меня важны начало (завязка) и конец стихотворения, желательно неожиданный и парадоксальный. Наиболее интересной формой, пока особо не освоенной мною, нахожу сонет, причем привлекает он меня именно своей диалектичностью, представляя собой развитие (теза — антитеза — синтез) и в идеале являясь завершенной мини-поэмой.

— Каковы истоки философии ваших стихотворений?

— Да, пожалуй, и объяснить не смогу, даже не уверен в том, что она у меня действительно есть. И все же (эту фразу я однажды услышал от Л.И. Либова) считаю, что главное не столько знать, сколько понимать. В этом смысле поэзия для меня интересна как альтернативный способ познания и попытка понять мир.

— Кого из поэтов вы бы определили, как мерило мастерства для вас?

— Мне трудно говорить об источниках, легче — о симпатиях. В юности я увлекался Блоком, сегодня нравятся Тютчев, Манделштам, Гумилев, Клюев, Рубцов, Заболоцкий, отчасти Тарковский. Впрочем, больше читаю прозу.

Еще я очень признателен моему школьному учителю русского языка и литературы Валентине Алексеевне Дунаевой и университетскому преподавателю Герману Николаевичу Ионину (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург). Кроме того, в свое время меня поддержал ныне покойный поэт Владимир Нечволода, заметил и заинтересовался, хотя и не оказал реальной помощи, Андрей Тарханов, а сегодня активно поддерживает Лев Либов, наш класс поэзии и, полагаю, вы, Николай Яковлевич.

— Что из поэзии вам близко, что вы считаете — ваше?

— Скорее всего, мне ближе философическая традиция (Державин — Тютчев — Заболоцкий, возможно, Тарковский), хотя еще очень дорог акмеизм. Вдохновляет сибирская и мансийская народная традиция, хотя и не думаю, что я к ней очень уж близок. Еще пока я не уверен в том, что могу внести в поэзию что-то новое.

— Что вы, Владислав!.. Помните: «Нам не дано предугадать...»

НАПРАСНЫЙ ВЕК

Лирические циклы

ВИНО

1

Зажигали огни на вершинах,
Жили, плакали, пили вино,
Звезды падали с башен старинных.

Длинных сосен за внешней стеной
Обозначились смутные тени,
Слышно: колокол бьет городской.

Из неведомой жизни растений,
От сокрытой в туманах земли —
Эта боль, это злое до жженья
Ощущенье вина ли, вины...

Зажигали огни на вершинах,
Жили, плакали, пили вино,
Звезды падали с башен старинных,
Но об этом забыли давно.

2

Тебя не ждать, тебе не верить,
Не думать о тебе, не знать,
Не помнить, не стучаться в двери,
А забывать и забывать...

Из коридоров пыльных, грязных,
Залитых терпкой полумглой —
Я вижу всех, я вижу разных
За их сомнительной игрой.

Я вижу, как сомкнула веки
Луна над кровлей жестяной,

И бродят, ищут человеки
От века — в этом мир иной.

А рядом — радостные лица
И чей-то отрешенный взгляд.
И невозможно возвратиться
К тебе, на полчаса назад.

3

Все за меня безумно рады,
Лишь я один безумно пьян,
Несут уставшие ограды
Еще не понятый Обман.

Над сталью серого квартала
Застыли скучно облака,
И в наплывающих каналах
Устало видится — Река.

Она течет, несет окурки
Сквозь соль гранитных берегов,
Сквозь мост, стремительный и гулкий.
Пустой, без песен и шагов.

Не стало мыслей, бьет по коже
Холодный, пасмурный Апрель.
С лицом чужим, на воск похожим,
Я точно пьян, но ты не верь.

ангелы

Трехногий стул, поставленный к стене,
На нем лежит подобьем тьмы безлицей
Моя одежда. Третий час не спится,
Не снится мне.

В холодно-алом, медленном огне
Сгорает память, и вонзает спицы
В мой вскрытый мозг обугленная тень
Того, что именуется зарницей.

Как трудно с неизбежностью смириться.
Все кажется, что будет новый день
Для истины, для вечности, простится
Нам зло и скверна...

На исходе дней
Большая бабочка — безумье — веселится.

1

Я в Петербурге, сонном и пустом,
Здесь даже дождь — как выстрел холостой,
Что с неким умыслом произведен в толпу
Людей, домов и прочих, здесь цветут
Цветы обычно желтым. Скорбный труд
Их причислять к прекрасному, и тут
Скорее Достоевский мог помочь,
Ведь вкуса желчи в Петербурге ночь.

Но ночь пройдет, и первый солнца луч
Ознаменует день, и из-за туч
Увидишь небо — твой ультрамарин,
Но небо далеко, и ты — один.

***

Я в Петербурге. Мертвые дома,
Точнее — трупы. Камня и стекла
Хватило здесь на то, чтоб умертвить
Дворцы и пр. Призрачная нить,
Что парки пряли, здесь оборвалась,
Распалась связь времен, и только связь
Дельца-кавказца со студенткой, может быть,
Ее на месяц сможет заменить.

***

Я в Петербурге, городе теней,
Чем дольше длится ночь, то тем длинней,
Мучительнее ждать, когда пусты
Проспекты и разведены мосты.

Разорвана связующая нить,
Распалась связь, и нечем заменить,
Должно быть, водкой можно, но подчас
Она нам стоит крови. Скучный час
Ползет едва, чтоб задушить второй
Своею массой, серой и сырой.
Вопрос поник: «Неужто здесь нам жить,
Где умер Петр, где под землей лежит
В болотах тьма строителей сих мест?»
Коль помолчишь, услышишь, как окрест
Из самых недр едва ли слышный стон
Раздастся, и пронзенный небосклон
Не смеет называть себя пространством.
Чуть слышным звуком тонко в ночь скользнет.

И мотылька нечаянный полет
Я прослежу меж смыслом и стеной
Молчания, я упаду больной
В бессильной злобе в облачную муть,
Где не уснуть...

Я в Петербурге. Если встать лицом
 На север, то не будешь гордецом,
 Сочтя, что Запад — слева, а Восток,
 Пожалуй, справа. Фиговый листок
 Сорвав зазря с прапамяти своей,
 Поймешь, что азиат ты, в сонме дней
 Среди улиц шумных потерявший лик
 В том городе, что из воды возник.

***

Тогда скажи, как излечить печаль
 Пространств? Я вспоминаю чай
 Под перестук печальных поездов,
 Что следуют в провинцию. Ездок
 Глядит с тоскливой мыслью на восток.

А там — все та же вечность, и темна
 Холодной Леты хрупкая волна.

***

Здесь угол остр, чтоб зацепился взгляд,
 Условна память, — отошлем назад, —
 Свершив покупку, получаем сдачу:
 С рубля копейку. Вот твоя задача —
 Назвать по имени вещей внезапный ряд.
 И хоть не бог ты, все же во сто крат
 Ты превосходишь сам себя, когда
 Ты именуешь вещи и дрожат
 Вторично воплощенные пространства.

Но вещи не привыкли к постоянству.
 Износится одежда. Отцветет
 Растение. Слетит листва. Меж строк
 Уже не разберешь ты, что сокрыто
 В том месте, где опустится копыто.

***

А здесь палач, скривив в усмешке рот,
Топор тяжелый радостно берет.

Опустится, свернется, упадет,
И — в добрый путь, душа, в полет
Над городом, свернувшимся в кольцо,
С кровавым жалом, в царственном венце,
Над стрелкою, над шпилем, над рекой,
Прорезавшей равнину, над рукой
Строителя, воителя, вождя —
Напрасной жертвы едкого дождя.

Над ядовитым дымом заводским
Лети, неудержимая, как дым.

***

Я в Петербурге — выстрел холостой,
Я облако, я призрак, я листок,
Гонимый ветром, сорванный с ветвей
Непостижимой родины моей.

Я здесь живу пока что. Невдомек,
О чем во мне молчит мой бог — Восток.

3

Мой Петербург, поставленный к стене
Событий, времени, и пр., и пр., во мне
Куском, пластом земли или иным,
Мой Петербург со мной, я вкупе с ним.
Пусть я чужой, но все ж к тебе влеком,
Ты — нож под сердце, в горле ком.

***

Мой Петербург. Но кто тебя поймет,
Оставив центр, окраине вернет
Простую сущность? Вот пивной ларек,
Когда б умел я, написать бы смог

О нем немало — вышел бы роман.
Вот местный бомж, что просит на стакан,
Вот старая карга в кармане ищет
Рубли. Беда — едва ли будет пища,
Чтоб поддержать в убогом теле дух.

Мой Петербург не выберет из двух
Возможностей: любить и ненавидеть
Своих детей, лишь порванные нити
Свисают, словно ливни, с высоты.
И это — ты...

***

Мой Петербург. А значит, ты — во мне,
И я, как стул, приставленный к стене,
Чтоб та уже не смела обвалиться...

***

Я в комнате. Вот бабочка резвится
У лампы. Некий ангел говорит:
«Смотри и помни: хрупкая на вид,
Большая бабочка — безумье — веселится».

ДВУСТИШИЯ

1

Меня забудет этот лес,
Мой след уже во мхах исчез,
Мой глаз уже упал в траву,
А руки в облаках плывут,
А пальцы взял в тиски туман,
И кровь стекает в океан
По руслам змеетелых рек,
Опередив напрасный век.

2

В блокноте осени листы
Исписаны до пустоты,
А образ вытянут строкой,
Как длинный журавлиный строй,
Почти достигнувший черты.
И что к тому добавишь ты —
Холодный слог, мишурный блеск?..

Меня забудет этот лес.

прогулка

Льву Либову

1

Умолкнет звук, последний, гулкий,
И можно утомиться властью
Ночною, зябкою прогулкой,
Луной, нырнувшей из проулка,
И желтизной фонарных глаз.

2

И поскользнуться, и пропасть
В снегах твоих, мой Север синий,
Затем, чтобы в урочный час
Не сам, не весь я — только часть
Всех слов моих, легка, как иней,
Могла в твою ладонь упасть...

3

Когда в медлительной ночи
Полярник наблюдает льдины,
Я слышу, как от сердцевины.
Планеты выгибая спину.
Рвет жилы и костяк крошит
Война

континентальных

плит.

С ВЕТРАМИ И ТРАВАМИ.

Читая стихи Владислава Шабурова

Недавно мне довелось прочитать стихи мансийского поэта, очень еще молодого человека, Владислава Шабурова. Может быть, я и не такой уж знаток всех поэтических тонкостей и сложностей, но важно ведь, в конце концов, не это — важно, как строки отзываются в нас. Так вот эти строки не прошли мимо меня, они требовательно и мягко заставили увидеть мир глазами поэта. «Стихов не пишут, а стихами дышат» — вот что мне вспомнилось в связи с этими стихами.

Вот, к примеру, стихотворение «Осень», звучащее торжественно и печально:

*О нас не забудут.
Когда мы уйдем
Иль просто сольемся
В движенье
С ветрами и травами...*

Трагизм одиночества и ощущение конечности жизни соединяется здесь с ощущением ее бесконечности и слиянности с ней. Это строки о жизни иной, о ином существовании — как в учении индусов. Манси-индуса? А что? Может быть, есть какая-то общность восприятия мира? В творчестве Шабурова это и интересно: он как бы представитель двух цивилизаций. Нежная созерцательность — это национальная особенность поэта. Погруженность в самого себя, свойственная народам Севера. Но у Владислава это качество приобретает общечеловеческий смысл. Особенно это заметно в стихотворении «Вино». Образы привычной природы связаны у него с ощущением: вино дает ощущение отрешенности, нереальности жизни. Не то же ли мы находим у Блока и Цветаевой? Поэту свойственно и восприятие человека каплей, пылинкой в хаосе мироздания.

Ощущение нереальности мира, свойственное музыке Дебюсси, выношу я, например, из стихотворения «Отражения». А вот в стихотворении «Реки» все вроде и реально: и желтые излучины, и прибрежный тальник, но и здесь присутствует созерцающая, погруженная в себя душа человека.

Читая стихи Владислава Шабурова, я увидела, что во многом это еще грезы, тени, еще как бы не родившиеся души. Но если кредо его — вера, любовь, надежда и свет, то не зря он живет на земле. Он верит в чудо, а я доверяю тем, кто верит в чудо!

Мне очень понравились стихи Владислава о Петербурге. Это же как надо почувствовать город, проникнуться им, чтобы ощутить его живым существом.

А как много у него стихов об уходе. Правда, уход этот — почти всегда перевоплощение, принятие иной формы жизни.

Меня забудет этот лес...

Забудет? Нет! Дитя природы, он часть ее. Поэт говорит голосом метели, стужи, реки, но он человек, потому что сознает себя грешным, а природа безгрешна.

*Ирина ПАДЕРИНА,
преподаватель литературы,
г. Первоуральск*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Либов. Тайна смятения</i>	5
Метаморфозы. Лирика	
Осень.....	14
«О нас не забудут...».....	15
«Ты знаешь, что любима...».....	16
Отражения.....	17
Реки.....	18
«Если ты чувствуешь сердцебиенье...».....	19
Комната.....	20
«Что за странная осень...».....	21
«Дождь упал на землю...».....	22
Ночной поезд.....	23
Шаимская ночь.....	24
«Я верю в утро, я его придумал...» •.....	25
Зимняя элегия.....	26
«Слова — как яблоки. Держа...».....	27
«От стран полунощных, откуда веет хлад...».....	28
Зимнее.....	29
Комплимент.....	30
Элегия.....	31
Метаморфозы.....	33
Мой век.....	34
«Меня мой ангел не оставил...».....	35
Книга.....	36
«Для вышних - музыка. Для сердца — тишина...» ..	37
Убогие.....	38
Одуванчики.....	39
Газета.....	40
Стихи на ночь.....	41
«За гранью чистых небес...».....	42
<i>Н. Мережников — В. Шабуров. Поэт и редактор:</i> диалог перед дебютом.....	43
Напрасный век. Лирические циклы	
Вино.....	47
Ангелы.....	49
Двустишия.....	54
Прогулка.....	55
<i>И. Падерина. С ветрами и травами</i>	56

Шабуров Владислав Геннадьевич

СТИХИ НА НОЧЬ

Редактор Н. Мережников
Верстка И. Капорейко
Корректор Т. Сергеенко

Подписано в печать 7.05.2003 г.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз.
Заказ № 2482.
Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 00069, выдана 10.09.99 г.
ООО "Уральское издательство",
620017, г. Екатеринбург, а/я 822,
e-mail: izdatel@mail.ur.ru
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОГУП "Асбестовская типография", 624260,
Свердловская обл., г. Асбест, ул. Садовая, 5.

ШАБУРОВ
Владислав Геннадьевич

Родился в Урае, окончил среднюю школу № 1, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена в Санкт-Петербурге. Стихи пишет с семи лет, публиковался в городской газете «Знамя», коллективном сборнике местных поэтов «Урай, мне не забыть лицо твое!», в сборниках «Шанские находки» и «Складчина», в журналах «Югра» и «Урал».

Главной в поэзии всегда была личность поэта. И если это по-прежнему так, любители поэзии не должны обойти вниманием дебютное издание стихов Владислава Шабурова, поэта из города Урай.

Владислав Шабуров — тонкий лирик, весьма требовательный к себе художник. Редактору и издателям стоило немалого труда убедить его в том, что издание сборника больше откладывать нельзя. Ужесточать к себе требования и требовать от себя соответствия все более и более высоким образцам можно до бесконечности, но надо же когда-то и выйти на всеобщее обозрение.

Если же говорить о поэтической манере молодого поэта, то его стихи можно уподобить некому глубинному течению, которое иной раз может расплескаться спокойной и прозрачной озерной гладью, а иной раз удивить темными глубинами, тающими в себе неоднозначные смыслы. Читаешь — и создается ощущение, что строки окутаны некой тайной — и тайну эту хочется разгадать.

И если попытаться все же понять, в чем секрет обаяния этих стихов, то, в самом первом приближении, его нужно искать в том счастливом слиянии блоковской поэтики, влияние которой на Владислава все еще сказывается, и той поэтической природы, присущей людям Севера, которую Владислав унаследовал по праву рождения.

Словом, это стихи, к которым, прочитавши их однажды, хочется возвращаться и возвращаться. А это не самый ли высокий комплимент, который хотел бы услышать любой поэт!

